

УДК 903'15(517.3)

DOI 10.24411/1026-8804-2019-10010

Пасторальный номадизм и его роль в истории

Жак Легран,

профессор, вице-президент Национального института восточных языков и цивилизаций (ИНАЛКО), Париж; председатель Академического совета Международного института по исследованию кочевых цивилизаций, Улан-Батор.
E-mail: jacques.legrand@inalco.fr

В статье рассматривается несколько механизмов и процедур описания кочевого пасторализма как в его собственной логике, так и в отношениях с окружающими культурами. Предлагается концепция общего происхождения оседлых и кочевых обществ и культур континентальной Евразии, с учётом их взаимовлияния в разных формах и на разных уровнях. Кочевой пасторализм анализируется автором как интегрированный социально-исторический комплекс, появившийся на основе разных составляющих существующего порядка (материальная сфера, экологические условия, формы социальной организации, заимствования когнитивных, эстетических и духовных представлений). Кратко описываются процесс формирования кочевого образа жизни на основе неолитической и постнеолитической оседлой домостроения и механизм развития нового хозяйственного и общественного комплекса посредством дисперсии населения на мелкие единицы. Рассматриваются последствия данного процесса, приведшие к созданию нового социально-политического порядка и новой, специфически кочевой культуры. Делается вывод о том, что кочевой пасторализм является носителем наследия «неолитической революции» и представляет собой неотделимый компонент большого континентального цивилизационного и культурного комплекса, связанный с ним общим наследием. Изучение как общих с другими историческими формациями, так и уникальных черт кочевого пасторализма может в том числе способствовать более глубокому пониманию некоторых аспектов социального и экономического развития современного мира.

Ключевые слова: кочевники, Монголия, оседлость, дисперсия, давление на ресурсы, скотоводство, пастбище.

Pastoral Nomadism and Its Role in History.

Jacques Legrand, National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France; International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: jacques.legrand@inalco.fr.

The paper describes several elements of nomadic pastoralism in its own logic as well as in its relations with the surrounding cultures. The concept of the common origin of sedentary and nomadic populations and cultures of continental Eurasia and their interactions is proposed. Pastoral nomadism is analysed as an integrated social and historical complex which appeared through the prism of various components: material sphere, ecological conditions, forms of social organization, cognitive, esthetic and mental representations.

The process of formation of nomadic way of life on the basis of Neolithic and post-Neolithic settled domestication and the conditions for the development of the new economic and public system through dispersion of population into small units are briefly described. The consequences of this process and the creation of an original socio-political order and a new, specifically nomadic culture are considered.

It is concluded that pastoral nomadism is a part of the heritage of “Neolithic revolution” and an inseparable element of the large continental civilizational and cultural complex connected with common patrimony. The research of general and unique features of pastoral nomadism can enhance the understanding of some aspects of the social and economic development of modern world.

Keywords: nomads, Mongolia, settling, dispersion, pressure on resources, cattle breeding, pasture.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Место и роль кочевого пасторализма в истории нужно воспринимать прежде всего на уровне эмпирического анализа конкретного занимаемого места и практической роли кочевых пасторальных обществ в истории человечества. Без сомнения, большое значение имеет роль «кочевых империй» и их завоевательной политики (хотя она часто бывает сильно преувеличена — как, например, в мифологизированном представлении о Монгольской империи как «величайшей на земле»). Роль, которую эти империи играли в распространении многочисленных знаний и технологий, эстетических представлений и духовных или религиозных течений, существенна, её нельзя недооценивать или рассматривать лишь как простую последовательность случайных событий.

Кочевые пасторальные общества внесли свой вклад в многообразный процесс формирования контактов и властных отношений, а также послужили предпосылкой складывания в рамках всей Евразии широкой системы связей и обменов, гораздо позже ставшей известной под названием «Шёлковый путь». Данная система подразумевает не столько простые коммерческие маршруты и логистику, сколько совокупность всех факторов и контактных векторов распространения самых разнообразных культурных, технических, языковых и символических заимствований, вовлечения широчайших кругов людей и специализированных групп в разные формы сотрудничества и конфликтов. Формирование и последующие

постоянные трансформации этого огромного евразийского пространства происходили при активном участии кочевников.

Но есть ещё одна заслуга кочевого пасторализма. Самую его основу, его уникальные признаки, а также черты, которые объединяют его с остальными историческими формациями, можно сопоставлять со многими современными вызовами. Это не даёт нам возможность разработать практическую «модель», но может содействовать более глубокому пониманию конкретных данных и ситуаций, в том числе некоторых аспектов экономического и социального развития и дилемм современного мира.

В данной статье предлагается воспринимать кочевой пасторализм как интегрированный социально-исторический комплекс, сложившийся на основе разных составляющих существующего порядка, включая материальную сферу и экологические условия, ограничения и возможности, формы социальной организации, заимствования когнитивных, эстетических и духовных представлений предыдущих популяций, — всё это способствует интеграции новых факторов и ферментов дальнейших эволюций и изменений.

ВКЛАД КОЧЕВОГО ПАСТОРАЛИЗМА В РАЗВИТИЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Изучение кочевого пасторализма и его реальной эвристической роли требует, прежде всего, определения его основных признаков. При этом необходимо отказаться от присущих оседлым культурам представлений, основанных на этноцентристских ценностях, поскольку они в значительной степени осложняют понимание исследуемого феномена.

В качестве очевидного примера можно взять представление о кочевой мобильности, основанной на бродяжничестве кочевников, как главной характеристике кочевого общества. В последнее время выражения «мобильный» и «кочевой» часто используются в качестве синонимов, что является примером влияния на «научный» язык современных бытовых и рекламных сленгов, для которых любые мобильные явления рассматриваются как «номадные». Именно на основе этой путаницы некоторые исследователи необоснованно предлагают отказаться от понятия «кочевой пасторализм» в пользу гораздо более неясной концепции «мобильного скотоводства».

Мобильность характерна не только для кочевого пасторализма (или пасторального номадизма), её широко практикуют и оседлые хозяйства, общества и культуры. Понимание термина «подвижность», если применять его к крупным движениям и переселениям, осложняет несколько факторов, не связанных напрямую между собой. Во-первых, это диффузные явления и колонизация, характерные для первичного распространения человеческого рода (как и других живых существ и видов) со времени своего возникновения и имевшие решающую роль в создании современных популяций. Во-вторых, миграции, совершавшиеся в разных масштабах и в разное время, которые могут, между прочим, касаться как оседлых народов,

так и кочевых. В-третьих, конечно же, мобильность, специфично присущая самому кочевому скотоводству в отличие от других образов жизни, социальных организаций или культур. Наличие этих факторов не означает отрицания роли мобильности в кочевых обществах, однако позволяет подчеркнуть, что она является действительно важным механизмом с точки зрения общей логики и этологии кочевой пасторальной системы, но отнюдь не создаёт основу кочевого пасторализма в целом.

Сложившись на основе общего наследия целой эпохи неолита и постнеолита Евразии (доместикация растений и животных, увеличение вклада человеческого труда в экспоненциальное накопление, оседлость), кочевой пасторализм парадоксально является одним из прямых наследников этой эпохи, при этом он является своеобразным следствием предельных возможностей данного наследия и создателем альтернативной стратегии для превышения этих пределов.

Системное описание, которое мы предлагаем, не окончательно. Идентификация многочисленных заимствований и контактов кочевников с соседними оседлыми группами и культурами, не говоря уже о многих фактах взаимности, наводит на мысль, что сосуществуют и взаимодействуют системы, имеющие свою собственную идентичность на основе очень глубоких совместных корней.

ЭСКИЗ ИНТЕГРИРОВАННОЙ МОДЕЛИ

Не считать природные факторы результатом «диктата окружающей среды», в духе старого географического детерминизма, — это не означает отрицать факторы условий, ограничений и влияний, присущих формированию и эволюции человеческих групп, пренебрегать естественными и экологическими условиями и вариациями, будь то климат, гидрологические, гидрографические и многие другие факторы. Наоборот, нужно принимать во внимание обилие вариантов взаимодействия и возможного поведения людей.

Природные и экологические аспекты, с одной стороны, и человеческие — с другой, независимо от корреляций, которые их связывают, до конца играют особую роль и развиваются своим путём, из-за чего сложно рассмотреть их соотношение.

В конце последнего ледникового периода большая часть населения северной и восточной Евразии включается в процесс перехода к неолиту. Темпы и специфика этого движения, связанного с переходом от хищничества к производству, имеют множество вариантов, что противоречит односторонним схематическим представлениям о непрерывном и необратимом высыхании Центральной Евразии.

Около 8500 г. до н.э., когда в этом регионе существовали оптимальные условия для жизни и деятельности человека, потепление и увлажнение климата способствовали развитию процесса одомашнивания растений

и животных. После 8500 г. наступают фазы высыхания и охлаждения, которые на некоторое время, тем не менее, сопровождаются удлинением этого периода и одновременно влияют во многих областях на само развитие неолитических и постнеолитических культур. В то же время эти события оказываются связанными с вероятно значительным демографическим ростом. Сельское хозяйство и животноводство сосуществуют с другими видами деятельности, включая рыболовство. На рубеже 4500—4000 гг., когда климатические условия стали ближе к современным, из-за холодов и засухи целые районы превращались в степи, а населяющие их народы сталкивались со всё более сложными вызовами.

Существует одно важное климатическое явление — сочетание холодной, сухой зимы и тёплого, влажного лета; на первый взгляд, оно не имеет решающего значения и в соответствующих условиях часто воспринимается упрощённо, однако в действительности наблюдается сложная диссоциация температур, осадков и весьма нестабильный характер распространения ветров. Данное явление обусловило возникновение на севере Средней Азии и на территории современной Монголии новой ситуации. В общем процессе высыхания и охлаждения этот климатический режим проявляет постоянную непредсказуемость, что усиливает негативное влияние на уровень ресурсов и потребностей. В результате уже сложившийся образ жизни теряет свою стабильность. Возникает проблема нарушения его устойчивости и снижения жизнеспособности населения, сталкивающегося с возрастающими угрозами и опасностями этой новой ситуации.

В подобных условиях постоянство преобладающих в это время форм, уровня деятельности и ресурсов постнеолитического оседлого образа жизни оказывается всё более проблематичным и сомнительным. С наступлением критических фаз, когда продолжение прежнего уклада жизни становится уже невозможным, появляется несколько новых вариантов:

1. Вымирание и исчезновение культур и народов, которые сталкиваются с этими кризисами.
2. Открытие (часто — ценой дорогостоящих миграций) нового пространства и новых территорий, обеспечивающих создание условий, близких к исчезающим, что позволило бы сохранить прежний образ жизни без существенных изменений.
3. Осуществление посредством комплекса материальных и культурных усилий определённых преобразований, которые, благодаря ресурсам и традициям, унаследованным от эпохи неолита и оседлости, позволяют радикально обновить методы и средства доступа к ресурсам.

Именно переход к кочевому скотоводству и кочевому пасторализму представляет собой значительный сдвиг подобного типа.

Весьма явно происходит и «разворот» приоритетов оседлого развития, но наличие на фоне этих изменений наследия неолитических и постнеолитических культур остаётся парадоксально заметным.

Например, отношение к животноводству и скотоводству как к составным частям кочевого скотоводства и пасторализма не означает, что

последние являлись основными формами domestikации животных. Противоположное утверждение, часто основывающееся на примитивном идеологизированном представлении о том, что кочевничество возникло раньше земледелия, противоречит археозоологии домашних видов, фактически domestikцированных ещё до возникновения и развития кочевого пасторализма. Напротив, можно предполагать, что уже широко осуществлённая domestikация животных и развитие животноводства, неразрывно связанного с оседлым образом жизни, были неизбежным условием появления, развития и распространения пасторализма и кочевничества. Одним словом, нельзя понять формирование кочевого скотоводства без учёта его неолитического и постнеолитического оседлого наследия.

Основные направления становления новой системы просты и немногочисленны. В первую очередь ключевым фактором и фундаментальной целью всего процесса является овладение сырьевыми ресурсами в условиях их дефицита. Это предполагает экстенсификацию, в противовес интенсивности и накоплению, характерным для оседлости. Второй существенный аспект, тесно связанный с предыдущим, заключается в использовании первичных ресурсов посредством радикального увеличения доли скотоводства в общем процессе производства, что приводит к его эксклюзивности. Таким образом осуществляется переход от скотоводства оседлых обществ к пасторализму. Помимо своей способности снабжать человека нужными ему продовольственными и иными продуктами, стадо способно увеличивать прямое влияние на первичные ресурсы с помощью мобильности и дисперсии на пастбищах, диверсификации между разными видами и характерными для каждого из них этологическими различиями.

Помимо всего прочего, животные могли помогать человеку в качестве некоего буфера против острых экологических колебаний. Данное обстоятельство, в свою очередь, вызывает определённые побочные эффекты.

С одной стороны, это приводит к ограничению человеческого населения и поголовья скота. Если в оседлом обществе действует тенденция постоянного роста человеческих групп и накопления ресурсов, в том числе скота, то в пасторальном обществе логика развития приводит к тому, что оптимальной экологической и технологической группой населения оказывается количественно ограниченная человеческая единица, совпадающая с нуклеарной семьёй (*айл* у монголов), т.е. собственница стада, поголовье которого должно соответствовать потреблению человеческой группы и нуждам воспроизводства самого стада, но которое не может превышать пастбищного потенциала.

С другой стороны, ограничение размера человеческих и скотоводческих групп позволяло рационально использовать первичные ресурсы за счёт распределения данных групп в пространстве. Именно этот механизм мы называем дисперсией. В свою очередь, она включает в себя развитие восприятия, познания и специфического присвоения пространства, заменяя центростремительные приоритеты оседлых культур преимущественно центробежной ориентацией.

Ещё одним эффективным следствием дисперсии является ограничение разделения труда и «профессиональной» специализации. На протяжении многовековой истории это разделение оказывается относительно маргинальным и в большинстве случаев носит обратимый характер. Не наблюдается крупного постоянного расслоения населения на основе функциональной специализации (типа постоянной армии). Одним словом, в условиях кочевого пасторализма любой человек, независимо от своего статуса в обществе, остаётся, по сути, кочевым пастухом.

Помимо этого, на протяжении длительного времени у людей развиваются различные качества, необходимые для управления пространством, стадом и природными условиями. Эти качества широко распространены, о чём свидетельствует богатство монгольского словаря.

В отличие от обычной кочевой «мобильности», которая состоит из полуслучайных поисков пастбищ, в конечном итоге очевидной становится оригинальная общественная организация.

Отказ от оседлой концентрации в пользу стратегии дисперсии не приводит к исчезновению гомогенной и, как правило, постоянной территориальной базы. В данном случае «территория» (*нутаг, nutuγ/nuntuγ*) — термин, вообще относящийся не к пространству, а к сети межчеловеческих отношений, напрямую связанных с контролем первичных ресурсов и организацией всей кочевой общественной системы. Необходимо, в частности, располагать местом, позволяющим преодолеть последствия зимней непогоды и различные трудности, особенно нехватку воды и отсутствие растительного покрова в зимний период. Поэтому зимовки (*өвөлжөө, ebülzij-e*) должны иметь подходящие топографические свойства: обеспечение адекватной защиты от холода и ветра, предоставление доступа к водным ресурсам и т.п. В соответствии с этими естественными параметрами определяется пастбищный запас на зиму, который не должен использоваться на протяжении остальных сезонов. Эта «сберегательная» пастбищная стратегия составляет один из центральных элементов всей кочевой пасторальной системы (интересно, что она наблюдается и у оседлых животноводческих культур).

Подобная стратегия сезонного сбережения пастбищ, в отличие от традиционного образа кочевников, далека от простого случайного поиска ресурсов. Естественно, в этом случае неизбежны значительные изменения. Могут варьироваться различные параметры (число и периодичность перекочёвок, изменяемость расстояний, высот и т.д.); кроме того, необходимо учитывать как естественные, так и социально-политические факторы. Данные колебания не абсолютны, поскольку связаны с фундаментальными параметрами кочевой системы: постоянным и стабильным балансом между потребностями и деятельностью человека, стадом и его давлением на основные природные ресурсы. Все они в конечном итоге связаны с удовлетворением человеческих потребностей, сохранностью и устойчивостью целой системы. Именно в этих целях организуется сезонное чередование пастбищ и маршрутов, управление стадом. Основным фактором

здесь является защита зимних пастбищ от несвоевременного потребления, в частности запрет на слишком раннее прибытие стад осенью.

Данная организация определяет ряд важных особенностей кочевой социальной и политической системы: дисперсия общества на мелкие единицы, с одной стороны, является экологическим и техническим оптимумом, но с другой — вызывает слабость каждой из этих групп и неравенство между ними.

В этих условиях возникает необходимость формирования разных сетевых отношений — от самых элементарных форм взаимопомощи (стрижка овец, валяние войлока и т.д.) до высших общественных и политических институтов. Подобные сети (солидарные или враждебные) создаются в различных пространственных и временных масштабах, характерных для кочевой дисперсии. Они опираются на разные уровни кочевой организованности — от непосредственного соседства и прямых семейных отношений, особенно между членами фратрии, до разного типа контактов и связей не только с иными кочевыми группировками, но и с оседлыми соседями и партнёрами.

Там, где производственное функционирование кочевой пасторальной жизни осуществляется через мирное рассеяние *айлов*, их принадлежность к разным сетям и союзам, вовлечение в неустойчивые группировки провоцируют кризисы и циклические столкновения. В таких условиях создаются оборонительные структуры наподобие известных *хүрээ, күриг-е*. Эти группировки, в свою очередь, одновременно становятся полигонами политической игры, основой для возникновения новых объединений, аристократических традиций, имперских тенденций и стремлений.

Слабость мелких единиц может быть преодолена только в исключительных условиях. При этом создание подобных союзов имеет и другие последствия. Получение наград или титулов вызывает рост престижа и авторитета, увеличение политического веса. Значимыми оказываются постоянная связь с ценностями, свойственными всей организации кочевого пасторализма, и создание оригинального военно-политического искусства.

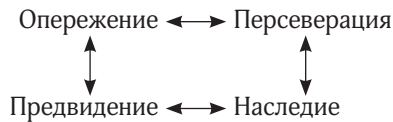
Вышеописанные элементы обуславливают формирование собственной политической системы и конкретной социально-политической модели, одной из главных особенностей которой является постоянная адаптационная способность. В более широком смысле данные черты влияют на жизнеспособность всей кочевой системы.

Сказанное ещё раз свидетельствует об актуальности изучения темы непредсказуемости в исследованиях самых разных направлений — в точных или естественных науках, науках о жизни или общественных науках.

Вместо заключения очень коротко хотелось бы подчеркнуть, что именно вопросы, связанные с предсказуемостью, особенно сложны для понимания вследствие обилия разных составляющих — материальных, символических и семантических. Последний элемент, на наш взгляд, слишком поверхностно изучен, что часто связано с ошибками многих переводов, когда употребляются упрощённые эквиваленты и не уделяется должного

внимания оригиналу. Однако то, что допустимо в повседневной жизни по причине эвентуальных недоразумений и *Quiproquo*, в научной практике требует большей критичности и осторожности, хотя бы в отношении недочётов перевода, — что и было сделано в настоящей статье при использовании с оговоркой терминов «территория» и «нутаг».

С этой точки зрения также важно внимательнее относиться к глубоким семантическим расхождениям между терминами, которые часто определяются как синонимичные. В данном случае можно предложить один пример неправомерного понимания кочевничества. Четыре кардинальные понятия, играющие огромную роль в организации и динамике кочевого пасторализма, могут быть одновременно и объединены, и противопоставлены в разных аспектах, касающихся их роли в общественной практике, языке и коммуникации [1]:

Принадлежность кочевого пасторализма к постнеолиту и центральное место, которое он занимает в конечной фазе данной эпохи, делает его одним из носителей наследия «неолитической революции» и одним из её последствий: кочевой пасторализм является неразрывным компонентом большого континентального цивилизационного и культурного комплекса, а не просто структурой, базирующейся на принципиально иной и эксклюзивной основе, не связанной с этим общим наследием. С такой точки зрения сходство и взаимовлияние в разных формах и на разных уровнях необходимо учитывать в той же мере, в какой и конфликты между кочевыми и оседлыми обществами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Legrand J. Contraction, anticipation et persévération en mongol xalx: quelques réflexions // *Philology of the Grasslands — Essays in Mongolic, Turkic and Tungusic Studies (Languages of Asia, Series 17)* / ed. by Ákos Bertalan Apatóczy, Christopher P. Atwood. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 194—213.

REFERENCES

1. Legrand J. Contraction, anticipation et persévération en mongol xalx: quelques réflexions [Contraction, Anticipation and Perseveration in Khalkha Mongolian: Reflections]. *Philology of the Grasslands — Essays in Mongolic, Turkic and Tungusic Studies (Languages of Asia, Series 17)*. Ed. by Ákos Bertalan Apatóczy, Christopher P. Atwood. Leiden, Boston, Brill Publ., 2018, pp. 194—213. (In Fr.)